

ИЗУЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО ВРЕМЕНИ И ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

В. П. ЦЫПКАЙКИНА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры эрзянского языка
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ)

Время как грамматическая категория выполняет операцию по дискретизации различных событий, расположенных на оси времени, относительно определенной точки отсчета, которая ситуационно обычно (в традиционном употреблении) совпадает с моментом речевого акта. Категория времени совместно с категорией лица-числа выступает как дейктическая: она локализует события относительно точки отсчета, указывая на характер действия – одновременного моменту речи, предшествующего или следующего за моментом речи.

Согласно одному из определений, время – «грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении» [15, 89]. Общепринято положение о времени как образовании логико-грамматическом, в основе развития и формирования которого лежит когнитивная деятельность человека по локализации различных событий на оси времени. Известно определение данной категории как «грамматизированной локации времени» [29, 2–7, 29].

По существу категории времени в различных языках выступают дискретизациями временного континуума. Логическая структура времени состоит из двух или, чаще, из трех частей – настоящее/прошедшее/будущее времена или настоящее – будущее/прошедшее времена в

тех языках, где нет развитого футурума. Разные языки развили по несколько прошедших или будущих времен. В. В. Богданов отмечает, что в чеченском языке существуют только что прошедшее, недавно прошедшее, прошедшее и давно-прошедшее времена, в языке зулу различаются близкое будущее и отдаленное будущее времена [3, 129–131], в коми языке – два будущих и восемь прошедших времен, шесть из которых образуются аналитически, из сочетания неизменяемого вспомогательного и спрягаемого основного глагола [20, 122–177].

В лингвистической науке различаются абсолютные и относительные времена, семантика которых «связана с отнесенностью времени описываемой высказыванием ситуации к времени речевого акта (моменту речи) или к какому-либо моменту, служащему точкой отсчета» [10, 201]. Таким образом, относительные времена разграничиваются от абсолютных по характеристике точки отсчета. Абсолютные времена имеют в качестве дейктического центра (точки отсчета) момент речи и выражают отношение действия или ситуации к моменту речи как одновременное, предшествующее или последующее. В мордовских языках это настоящее, будущее, первое и второе прошедшее времена.

Относительные времена выражают отношение действия или состояния не к моменту речи, а к некой другой точке отсчета, не совпадающей с моментом речи, коммуникативным актом. Эта «другая

точка отсчета» представлена в тех случаях, когда исходным пунктом временной ориентации является не актуальное настоящее момента речи говорящего, а какой-то иной момент, например: э. *Мон арсинь, што весе полавтови* 'Я думал, что все изменится'. Событие, о котором говорится в придаточном предложении, ориентировано по отношению ко времени действия главного предложения.

В современной лингвистической литературе прослеживаются узкое и широкое истолкование термина «темпоральность».

А. В. Бондарко рассматривает темпоральность как семантическую категорию, охватывающую в ее языковом выражении различные типы отношений, обозначающих ситуаций, к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета (производной от момента речи) на основе признаков одновременности (настоящее), предшествования (прошлое) и следования (будущее), а также двустороннее единство темпоральной семантики и системы разноуровневых средств ее выражения в данном языке, т. е. функционально-семантическое поле [4, 66].

При более широком истолковании термина темпоральность включает не только отношения типа «настоящее», «прошлое», «будущее», но и другие отношения, связанные с понятием времени, в частности то, что трактуется как таксис и временной порядок.

Итак, грамматическая категория времени – это строевая единица, обладающая определенными специфическими, формализованными и для каждого языка стандартными глагольными средствами обнаружения. Темпоральность, или *языковое* время, есть категория более высокого ранга, которая подчиняет себе грамматическое время как одно из используемых в естественном языке средств отражения времени языковой среды.

В финно-угорских и самодийских языках на сегодняшний день наиболее разработанной и освещенной является глагольная темпоральность – морфологическая категория глагольного времени.

Серьезное исследование по категории времени осуществлено Б. А. Серебрянниковым в 1960 г. Его результаты отражены в монографии «Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп» [17].

Наравне с другими грамматическими категориями категория глагольного времени в коми и вепсском языках рассматривалась в работах Е. А. Цыпанова и Н. Г. Зайцевой.

В монографии Е. А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке» анализируется глагольная темпоральность; дается общая диахронно-синхронная характеристика категории времени, отмечается, что она является одной из древнейших категорий, ведущей свое начало от уральского праязыка. В законченном системно-структурном виде категория времени, основные особенности которой сохраняют современные коми и удмуртский языки, по мнению автора, сложилась уже в общепермском праязыке. В современном коми и удмуртском языках глагольные времена формируют самостоятельные системы, отличающиеся расхождениями в составе форм, грамматической семантике и употреблении времен. В системе времен современного коми языка Е. А. Цыпановым выделяется одиннадцать грамматических единиц: формы настоящего времени, два будущих времени, восемь видов прошедших времен; рассматриваются конкретные временные формы, последовательно раскрывается их образование, дается характеристика формантного состава и парадигм, история суффиксов и грамматическая семантика времен в различных контекстах [20, 114–177].

В работе Н. Г. Зайцевой «Вепсский глагол: сравнительно-сопоставительное исследование» наряду с другими грамматическими категориями глагола рассматривается и категория времени, излагаются теоретические и сравнительно-исторические изыскания в области форм времени. Отмечается, что вепсский язык, как и другие прибалтийско-финские язы-

ки, обладает формами четырех времен: презенса, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, а также отрицательного претерита. Автором подвергаются анализу история и образование временных форм, раскрывается их значение [9].

Анализу морфологических средств выражения темпоральных отношений в селькупском языке (тымском диалекте) посвящена кандидатская диссертация Н. П. Гальцовой. В ней выявляются морфологические маркеры глагольных словоформ, участвующих в реализации темпоральных отношений; разрабатывается классификация соответствующих словоформ на основе того, что принимается за точку отсчета при передаче ими временных отношений (момент речи, время другого действия), а также по способности словоформ передавать модальные значения; осуществляется анализ плана выражения в синхронии и диахронии; устанавливается парадигматическое значение каждого времени; исследуются транспозиционные возможности времен как основа их семантического варьирования; на материале тымского диалекта анализируются взаимосвязи морфологических категорий времени, вида, наклонения [7].

Как особая категория осознана синтаксическая категория времени простого предложения в мордовских языках. В статье «Категория предикативности как главный признак простого предложения» Н. М. Лаврентьева, поддерживая точку зрения В. В. Виноградова о семантико-синтаксическом понимании категории предикативности и трех ее составляющих: модальности, времени и лица, — под темпоральностью понимает категорию синтаксического времени [14, 94–109].

Объектом внимания финно-угроведов была и временная соотношенность частей сложного предложения. В кандидатской диссертации «Союзные слова и подчинительные союзы в мордовских (эрзянском и мокшанском) языках» И. С. Бузаков, анализируя средства связи компонентов сложносочиненного предложения, рас-

считывает и придаточные предложения, выражающие темпоральные отношения [5].

А. П. Васикова, обращаясь в работе «Сложные предложения в современном марийском литературном языке» к структурно-семантическим разрядам сложносочиненных предложений, отмечает те, которые передают темпоральные отношения [6].

Темпоральность, или языковое время, есть категория более высокого ранга, которая подчиняет себе грамматическое время как одно из используемых в естественном языке средств отражения времени языковой среды.

Исследование Г. Ф. Беспаловой посвящено описанию типов бессоюзных сложных предложений по целенаправленности в эрзянском языке. В работе представлены разнообразные отношения, возникающие между предикативными частями бессоюзных сложных предложений, в том числе темпоральные [2].

Не осталась вне поля зрения финно-угорских исследователей и лексика с временным значением. Семантические группы падежных форм существительных, наречий и послелогов с временным значением в мордовских языках были рассмотрены в кандидатской диссертации Н. А. Щанкиной [2].

На временную отнесенность действия в синтаксических конструкциях с формами косвенных наклонений обращается внимание и в некоторых грамматиках финно-угорских языков, а также в специальном исследовании А. Д. Артемовой, посвященном семантике косвенных наклонений в мокша-мордовском языке [1, 3–9].

В «Грамматике эстонского языка» акцентируется тесная связь категории времени с категорией наклонения. Отмечается, что кроме изъявительного формами времени обладают и другие наклонения. Условное наклонение имеет две формы времени — презенс и перфект. С помо-

шью форм презенса обозначается условное действие, происходящее в настоящем или в будущем; условное действие в прошлом выражается формами перфекта. На время протекания действия указывает контекст – обстоятельства времени или ситуации общения. Повелительное наклонение имеет формы презенса. Редко встречаются так называемые косвенные повелительные формы, представляющие собой формы презенса и перфекта [28, 139–159].

«Грамматика мордовских языков» содержит следующие положения: «связь с временами обязательна для изъявительного наклонения»; «сослагательное наклонение, «имея форму, близкую к форме прошедшего времени изъявительного наклонения, может называть нереальное действие не только в прошедшем, но также в настоящем и в будущем времени»; «условное наклонение называет предполагаемое в будущем действие»; условно-сослагательное наклонение «имеет только формы прошедшего времени»; желательное наклонение «реализуется только в формах прошедшего времени» [8, 224–229].

Временная отнесенность действий, выраженных формами косвенных наклонений, рассматривается в исследовании А. Д. Артемовой «Семантика косвенных наклонений в мокшанском языке», где отмечается, что побудительное наклонение выражает предположение о возможности совершения какого-либо действия в настоящем или будущем времени; сослагательное наклонение выражает желаемое действие, которое может мыслиться в настоящем, прошедшем или будущем времени; желательное наклонение выражает намеряемое или желаемое действие как в прошедшем, так и в настоящем времени; условно-сослагательное наклонение выражает желаемое действие, относящееся к настоящему или будущему времени [1].

Вопрос о временном значении безглагольных синтаксических конструкций затрагивался учеными при анализе номинативных и безличных предложений. Относительно темпорального зна-

чения номинативных предложений в финно-угристике и уралистике нет единого мнения. К. Е. Майтинская применительно к венгерскому языку отмечает: «В номинативных предложениях нет глагола, поэтому в них не может выражаться отнесенность ко времени, тем более что они большей частью содержат лишь констатацию, утверждение факта» [16].

Большинство ученых подчеркивают, что номинативные предложения «утверждают наличие, существование предмета или явления в настоящем». Так, Н. М. Терещенко в монографии «Синтаксис самодийских языков» пишет: «Поскольку главный член этих предложений выражен именной формой, номинативные предложения утверждают наличие предмета или явления преимущественно в настоящем. В прошедшем времени им могут соответствовать, а в будущем соответствуют двусоставные предложения. Например, в ненецком: *Хўвы*” ‘Утро’; ср. *Хўвышь или хўвы” пэвы*” ‘Было утро’» [18, 114]. Такой же точки зрения придерживаются исследователи коми языка: «Назывное предложение утверждает наличие, существование предмета или явления в настоящем. Например, из трех предложений: *Ар. Көдзёдöдiс. Друг öти войö берег дорын едждiсны пуяс, быттьö пöрысьмисны, дзормисны...* (С. Раевский). ‘Осень. Похолодало. Вдруг в одну ночь возле берега побелели деревья, будто постарели, поседели...’ – первое предложение не только называет предмет, но также обозначает, что он есть, существует в момент сообщения. В прошедшем и будущем временах таким предложениям соответствуют двусоставные предложения: *Вöм ар.* ‘Была осень’. *Лоö ар.* ‘Будет осень’» [13, 274].

М. Н. Коляденков, рассматривая номинативные предложения в мордовских языках, указывал, что «именительный падеж существительного в предложениях типа э. *Вирь. Сэрей пичеть, тусто кузт, килейть* (Н. Эркай). ‘Лес. Высокие сосны, густые ели, березы’ настолько достаточен, так сказать специален, для обозначения предмета в его наличествовании в насто-

ящем времени, что глагол *улемс* ‘быть’, употребленный в формах настоящего времени э. *ули*, м. *улихть* ‘есть’, при именительном падеже оказывается не только лишним, ненужным, но и несвойственным данному случаю и будет обозначать не настоящее, а будущее время, ср.: *Вирь ули. Сэрей пичеть улишь, тусто кузт улишь. ‘Лес будет. Высокие сосны будут, густые ели будут’*. Формы настоящего времени глагола *улемс* ‘быть’ в значении настоящего времени употребительны при именительном падеже существительного для утверждения, для удостоверения наличия того, что выражено существительным, например: э. *Тосо ули вирь*, м. *Тоса ули вирь* ‘Там есть лес’. Глагол *улемс* ‘быть’ в качестве связки при именительном падеже в мордовских языках не употребляется, т. к. сказуемость имени в этих языках выражается сказуемостной суффиксацией, например: э.м. *мон учител-ян* ‘я учитель (есть)’» [11, 71–72].

К синтаксическим конструкциям с семантикой настоящего времени относятся также безличные предложения, в которых главный член выражен предикативным наречием, например: э. *Вирьсэнть чопода. Чопода болотав луммосонтькак...*

‘В лесу темно. Темно и в болотистой ложине’; м. *Уды лагерсь. Шобда, сетьме...* ‘Спит лагерь. Темно, тихо...’

Временная характеристика именных форм с предикативными суффиксами рассматривалась в трудах М. Н. Коляденкова [12, 186–187], П. Хайду [19, 222–225], Л. Нonti [30, 262–271]. На темпоральное значение инфинитивных конструкций было обращено внимание В. И. Щанкиной при анализе инфинитивных предложений в мордовских языках [27].

Темпоральности и средствам ее выражения в мордовских языках посвящен ряд статей, а также монография автора данной статьи [21–25]. В монографии показана многогранная природа времени; рассмотрены проблемы соотношения глагольного времени и темпоральности; выявлены и описаны морфологические и лексические средства выражения темпоральности; показана взаимосвязь разных языковых средств, относящихся к области морфологии и лексики, при использовании их для выражения темпоральности; выявлены особенности выражения темпоральных отношений в мордовских языках, связанных со спецификой их грамматических подсистем и словесных форм.

Поступила 18.02.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Артемова, А. Д.* Семантика косвенных наклонений в мокша-мордовском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 16 с.
2. *Беспалова, Г. Ф.* Сложные предложения по целенаправленности в эрзянском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2001. – 18 с.
3. *Богданов, В. В.* Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
4. *Бондарко, А. В.* Основы функциональной грамматики : Языковая интерпретация идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 260 с.
5. *Бузаков, И. С.* Союзные слова и подчинительные союзы в мордовских (эрзян-
1. *Artemova, A.* (1985) The semantics of indirect mode in the Moksha Mordovian language, Abstract of thesis (Candidate of Science, Philology), Moscow.
2. *Bespalova, G.* (2001) Complex sentences of purposiveness in the Erzya language, Abstract of thesis (Candidate of Science, Philology), Saransk.
3. *Bogdanov, V.* (1977) Semantic and syntactic sentence structure, Leningrad: Leningrad State University Press.
4. *Bondarko, A.* (2001) Fundamentals of functional grammar: language interpretation of time, Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Press.
5. *Buzakov, J.* (1966) Conjunctions and subordinating conjunctions in the Mordovian

- ском и мокшанском) языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1966. – 27 с.
6. *Васикова, Л. П.* Сложные предложения в современном марийском литературном языке / Л. П. Васикова. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1982. – Ч. 1. – 223 с.
  7. *Гальцова, Н. П.* Морфологические средства выражения темпоральных отношений в селькупском языке (на материале тымского диалекта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1993. – 17 с.
  8. *Грамматика мордовских языков.* Фонетика. Графика. Орфография. Морфология / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1980. – 430 с.
  9. *Зайцева, Н. Г.* Вепский глагол : Сравнительно-сопоставительное исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002. – 49 с.
  10. *Касевич, В. Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1982. – 309 с.
  11. *Коляденков, М. Н.* Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков : Синтаксис / М. Н. Коляденков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1954. – Ч. 2. – С. 71–72.
  12. *Коляденков, М. Н.* Структура простого предложения в мордовских языках (предложение и его главные члены) / М. Н. Коляденков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – 291 с.
  13. *Ками язык* : энциклопедия / отв. ред. П. В. Федюнева. – М. : Издательство ДиК, 1988. – 608 с.
  14. *Лаврентьева, Н. М.* Категория предикативности как главный признак простого предложения // Проблемы мордовско-русского билингвизма : труды. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1985. – Вып. 81. – С. 94–109.
  15. *Лингвистический энциклопедический словарь* / отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
  16. *Майтинская, К. Е.* Венгерский язык. Ч. 3. Синтаксис / К. Е. Майтинская. – М. : Изд-во АН СССР. – 1960. – 375 с.
  17. *Серебренников, Б. А.* Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Б. А. Серебренников. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 299 с.
  18. *Терещенко, Н. М.* Синтаксис самодийских языков (простое предложение) / Н. М. Терещенко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 323 с.
  19. *Хайду, П.* Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского. – М. : Прогресс, 1985. – 430 с.
  - (Erzya and Moksha) language, Abstract of thesis (Candidate of Science, Philology), Saransk.
  6. *Vasikova, L.* (1982) Complex offers a modern literary Mari language, Part 1, Yoshkar-Ola: Mari Press.
  7. *Galtsova, N.* (1993) Morphological means of expression of temporal relations in the Selkup language (based on the Tym dialect), Abstract of thesis (Candidate of Science, Philology), Novosibirsk.
  8. *Tsygankin, D.* ed. (1980) Mordovian languages Grammar. Phonetics. Graphics. Spelling. Morphology, Saransk: Mordovia State University Press.
  9. *Zaitseva, N.* (2002) Vepssky verb: comparative study, Abstract of thesis (Candidate of Science, Philology), Yoshkar-Ola.
  10. *Kasevich, V.* (1982) Semantics. Syntax. Morphology, Moscow: Nauka.
  11. *Kolyadenkov, M.* (1954) Mordovian (Erzya and Moksha) spoken grammar: Syntax, Part 2, Saransk: Mordovia State University Press, pp. 71–72.
  12. *Kolyadenkov, M.* (1959) Structure of a simple sentence in the Mordovian languages (sentence and its principle parts), Saransk: Mordovia State University Press.
  13. *Fedyuney, P.* (1988) Komi language: Encyclopaedia, Moscow: DiK press.
  14. *Lavrentieva, N.* (1985) Predication category as the main feature of a simple sentence, Works on problems of Mordovian-Russian bilingualism, 81, Saransk: Mordovian Press, pp. 94–109.
  15. *Yartseva, V.* ed. (1990) Linguistic encyclopedia, Moscow: Soviet encyclopedia.
  16. *Maytinskaya, K.* (1960) Hungarian language. Syntax, Part 3, Moscow: the USSR Academy of Sciences Press.
  17. *Serebrennikov, B.* (1960) Categories of time and type in the Finno-Ugric languages of Volga and Permian groups, Moscow: the USSR Academy of Sciences Press.
  18. *Tereschenko, N.* (1973) Syntax of Samoyed languages (simple sentence), Leningrad: Nauka. Leningrad Branch.
  19. *Hydu, P.* (1985) Ural languages and peoples, Moscow: Progress.
  20. *Tsypanov, E.* (2005) Grammar category of the verb in the Komi language, Syktykvar: Komi scientific Center of UB RAS.
  21. *Tsyppkaykina, V.* (2009) Expression of time relatedness of an action in statements with optative forms (based on the Mordovian languages), Language and culture Finno-Ugric peoples in the context of

20. *Цыпанов, Е. А.* Грамматические категории глагола в коми языке / Е. А. Цыпанов. – Сыктывкар : Коми науч. центр УрО РАН, 2005. – 284 с.
21. *Цыпкайкина, В. П.* Выражение временной отнесенности действия в высказываниях с формами опатива (на материале мордовских языков) // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации : материалы IV Всерос. конф. финно-угроведов. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 159–161.
22. *Цыпкайкина, В. П.* Выражение темпоральной отнесенности действия в высказываниях с формами конъюнктива (на материале мордовских языков) // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. – Piliscaba, 2010. – P. 2. – S. 161.
23. *Цыпкайкина, В. П.* О темпоральной отнесенности действия в синтаксических конструкциях с независимым инфинитивом (на материале мордовских языков) // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Пауля Аристэ. – Саранск, 2006. – С. 324–330.
24. *Цыпкайкина, В. П.* Об особых средствах выражения темпоральных отношений в мордовских языках // Тезисы секцион. докл. X Междунар. конгресса финно-угроведов : Лингвистика / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005. – Ч. 2. – С. 169.
25. *Цыпкайкина, В. П.* Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания / В. П. Цыпкайкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 212 с.
26. *Щанкина, Н. А.* Грамматические средства выражения временных и пространственных отношений в мордовских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1981. – 18 с.
27. *Щанкина, В. И.* К вопросу об инфинитивных предложениях в мордовских языках // Изменения в волжско-финских языках. Симпозиум по волжским языкам в г. Турку. 1–2 сентября 1993 г. – Турку, 1994. – С. 98–104.
28. *Ыйспуу, Я.* Грамматика эстонского языка / Я. Ыйспуу. – Таллин, 1992. – Ч. 2. – 252 с.
29. *Comrie, B.* Tense / B. Comrie. – Cambridge, 1985. – 139 p.
30. *Honti, L.* Morphologische merkmale des nominalen prädikats in einen uralischen sprachen // Lingvistica uralica. XXVIII. – Tallin, 1992. – № 4. – S. 262–271.
- globalization, Proceedings, IV All-Russia Finno-Ugric Conference, Khanty-Mansiysk, pp. 159–161.
22. *Tsyppkaykina, V.* (2010) Expression of temporal relatedness of an action statements with conjunctive forms (based on the Mordovian languages), Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum, Part 2, Piliscaba, p. 161.
23. *Tsyppkaykina, V.* (2006) On temporal relatedness of the action in syntactic structures with independent infinitive (based on the Mordovian languages), Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga and Ural regions, Proceedings of Interregional Conference dedicated to 100th anniversary of the birth of Academician Paul Ariste, Saransk, pp. 324–330.
24. *Tsyppkaykina, V.* (2005) On special means of expression of temporal relations in the Mordovian language, Proceedings of X International Congress of Finno-Ugric Studies: Linguistics: Part 2, Mari State University, Yoshkar-Ola, p. 169.
25. *Tsyppkaykina, V.* (2007) Temporality in the Mordovian languages and principles of its descriptions, Saransk: Mordovia State University Press.
26. *Schankina, N.* (1981) Grammatical means of expressing the temporal and spatial relations in the Mordovian languages, Abstract of thesis (Candidate of Science, Philology), Tartu.
27. *Schankina, V.* (1994) On infinitive sentences in the Mordovian languages, Changes in the Volga-Finnish languages Symposium on Volga languages Proceedings, Turku, September 1–2, 1993, Turku, pp. 98–104.
28. *Yyspuu, J.* (1992) Estonian language Grammar, Part 2, Tallin.
29. *Comrie, B.* (1985) Tense, Cambridge.
30. *Honti, L.* (1992) Morphologische merkmale des nominalen prädikats in einen uralischen sprachen, 4, Lingvistica uralica. XXVIII, Tallin, pp. 262–271.